

(так! — *Н. Р.*) гневом. Никакой эпизод жизни Давида ни в заглавии псалма, ни в его тексте не упоминается, но его герой, как и в подавляющем большинстве случаев, отождествляется художником с тем, кому давняя традиция приписывала авторство и кто изображен на фронтисписе книги — единственном ее изображении во весь лист. На полях этого псалма Давид изображен дважды: в первом случае он лежит на одиноко стоящем ложе, а во втором, где он плачет в подушку (иллюстрируются слова «слезами моими постелю мою омочю»), сзади изображен каменный дом под черепичной крышей, а рядом — несколько деревьев за решеткой. Такое же каменное строение и на том же месте, но с деревьями позади, изображено в иллюстрации псалма 115-го (л. 164). Перед Давидом стоит слуга, а на нижнем поле изображен гончар, отделывающий кувшин, стоящий на чаше, такой же (лишь в увеличенном размере), как и та, из которой пьет Давид (киноварная линия тянется от этой чаши к стиху: «Чашю спасения прииму и имя господне призову»). Значение изготавливаемого кувшина для иллюстрации этого псалма неясно (к нему нет никакой привязки), но изображение гончара — одна из любопытнейших бытовых реалий Киевской псалтири.

Большинство переживаний героя Псалтири связано с кознями его противников, которые олицетворяются в собирательных образах «нечестивых» или «врагов». Они изображаются иногда воинами, и такие иллюстрации являющиеся как бы связующим звеном между циклами иллюстраций жизнеописания Давида и изображениями переживаний героя Псалтири. Такова иллюстрация заключительного стиха 11-го псалма — «окрест нечестивии (так! — *Н. Р.*) ходить» (она находится немного не на своем месте — в начале следующего псалма): Давид лежит, укрывшись в пещере внутри горы, вокруг которой ходят четыре воина — все в разных доспехах и с различным оружием. Аналогичная композиция иллюстрирует 16-й псалом — Давид стоит на фоне горы в окружении воинов, над которыми написано: «врази Давидовы». Большая группа врагов окружает массивную башню, из которой убегает Давид; это иллюстрация начала 58-го псалма: «Изми мя от враг моих боже . . . нападаша на мя крепции» (л. 78). Иногда «врагов» олицетворяет не группа воинов, а лишь один: такова, например, иллюстрация начала 63-го псалма, в котором содержится просьба: «. . . От страха вражия изми душу мою».

Интересны изображения «нечестивых» как олицетворение некоторых человеческих качеств и свойств. Так, например, на полях 72-го псалма изображены две мужские фигуры с высунутыми длиннейшими языками; это — буквальный «перевод» в изображении фразы «и язык их преиде по земли». Интересно, но не совсем понятно изображение около стиха 36-го псалма: «Видех нечестиваго превозносящася и высящася яко кедры ливанския» (л. 50 об.). К нему привязаны две фигуры — Давида под высоким деревом и «нечестивого» с небольшим мешком или сосудом в одной руке и со змеей в другой. Можно лишь предположить, что художник изобразил здесь стяжателя (если понимать змею как символ коварства и зла), а может быть, и отравителя, собирающего змеинный яд. Изображение скупого, скареда можно усмотреть в рисунке побизости, всего через три листа: на стуле — мужская фигура в богатой одежде, держащая с помощью слуги большой открытый мешок (такой же мешок в руках у Иуды на л. 81 об.), а ниже нарисован навьюченный верблюд с погонщиком и носильщиком с тюком на спине. Оба изображения привязаны к стиху 38-го псалма «схрывает и не весть кому собирает». Очень выразительны атеисты (л. 15 об.) — две оживленно жестикулирующие мужские фигуры; они привязаны к началу 13-го псалма: «Рече безумен в сердце своем — несть